

23/XII 86г

Царёв М.И.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

ТР

23 декабря 1986 г. 5

ПОРТРЕТ

**Не по должности,
а по праву**

Когда входишь в просторный, уставленный тяжелой старинной мебелью кабинет Михаила Ивановича Царева, он неизменно поднимается из-за большого стола, а по окончании аудиенции провожает вас едва ли не до самой двери. И в этих обрядах вежливости есть что-то от безупречной воспитанности, есть прочная «гарантия» уважительности, «хорошего тона», высокой деловитости, из которых и складывается понятие подлинного театрального академизма. Каким бы сложным ни оказался наш разговор, я твердо знаю, что при любых несогласиях, никогда не буду оскорблен начальственной резкостью, грубой беспаллиционностью, интонацией категорического приказа. Со мной будет говорить старший коллега, человек театра до мозга костей, первый Аристик, из тех, кто издавна, подобно Щепкину, Самарину, Южину, управлял труппой по праву, а не по должности.

Когда думаешь о творческой и общественной деятельности Михаила Ивановича Царева, то прежде всего поражаешься ее масштабности. Огромное количество сыгранных ролей, создание радио- и телевизионных передач, многолетняя педагогическая работа в Училище им. М. С. Щепкина. Руководитель Малого театра, председатель Советского центра Международного института театра. В течение многих лет он был председателем правления ВТО, а ныне избран почетным членом правления Союза театральных деятелей РСФСР. Это поистине титаническая энергия, которая проявляется во всем с редким достоинством, без малейшей сути, с великолепной корректностью высокоминтеллигентного человека.

За всем, что делает Царев как актер, как театральный и общественный деятель, стоит глубокая культура.

Он начал свой путь в искусстве с учебы в Школе русской драмы при бывшем Александринском театре. Его основным учителем был великолепный Ю. М. Юрьев, благороднейший представитель героико-романтического направления в русском театре, страстный поборник классического репертуара. Юрьев требовал от своих учеников неустанного труда, большое значение придавал занятиям пластикой, голосом, дикцией. Юный Царев выступал в небольших ролях рядом с такими мастерами, как Е. П. Корчагина-Александровская, Е. И. Тиме, К. Н. Яковлев, П. И. Лешков.

Интересно, что в школьных спектаклях среди других ролей Царев сыграл двух Ипполитов — в одноименной трагедии Еврипида и в пьесе А. Н. Островского «Не все кату масленница». Он был одинаково убедителен и в высоком строе античной трагедии, и в характерно-комедийных красках пьесы Островского.

Затем последовала работа в Большом драматическом театре. Много и успешно работал Царев в театрах периферии, например с таким замечательным режиссером и педагогом, как Н. Н. Синельников. Под его руководством Царев сыграл роль Алексея в пьесе Найденова «Дети Банюшина». Много лет спустя он выступит в этой же пьесе в Малом театре в роли старика Банюшина.

Затем приглашение в Ленинградский академический театр драмы, роли Жадова, Чапского, Фердинанда, Дон Карлоса в «Дон Жуане» Мольера. В работе над этим спектаклем Царев впервые встретился с Вс. Э. Мейерхольдом, который впоследствии пригласил его в свой театр, там Царев сыграл всего две роли — Чапского и Армана Дювала в «Даме с камелиями» А. Дюма. Эта работа принесла Цареву шумный успех, его дует с З. Райх — Маргерит пленяет соединением романтической пылкости и редкой душевной грации.

Школа прославленного Александринского театра, знание русской театральной провинции в ее лучших художественных проявлениях, партнерство с выдающимися актерами, множество сыгранных ролей самого разного характера — все это определило редкую театральную, артистическую эрудицию Царева, его блестящий профессионализм.

В 1937 году он вступает в труппу Малого театра, где работает по сей день. Он был принят в старейший русский театр уже актером, обладающим редкой художественной дисциплиной, безупречной творческой, именно творческой организованностью, уверенно владеющим сценической техникой, умением понять и прочувствовать стиль автора, воспринять замысел режиссера и помочь его воплощению.

Человеческая и артистическая интеллигентность, выдержанка, самообладание Царева порой диктуют ему неожиданные сценические решения — парадоксальный рисунок роли Вожака анархистов в «Оптимистической трагедии», чья морская тельняшка так причудливо сочеталась с интеллигентским пенсне на шнурочке; оскорблённая замкнутость его Банюшина, «превращенного» волей актиста из тяжелого деспота в скорбного и мудрого патриарха утлого семейного ковчега; или такой его шедевр, как сцена с детьми в «Перед заходом солнца», с ее трагически ледяной сдержанностью, презрительно-гневной корректностью.

Царев сохраняет и продолжает многие прекрасные традиции Малого театра. Издавна повелось, что ведущие актеры этого театра соединяли в своем творчестве романтическое, патетическое начало с яркой и крупной характерностью. Михаил Царев, так же как и его великие предшественники, поражает широтой своего артистического диапазона: романтический герой-любовник — Арман Дюваль. Незнамов, Жадов, Арбенин и острохарактерный актер в таких ролях, как Дон Сезар де Базан в «Рюи Блазе» Гюго, горьковский Старик, Вожак в «Оптимистической трагедии».

В Малом театре есть еще одна красивая традиция — Самарин, Ленский, Южин в молодости играли Чапского в «Горе от ума», а со временем переходили на роль Фамусова. В. Н. Пашенная называла Царева прославленным советским Чапским. Сейчас он виртуозно и сильно играет Фамусова. Фамусов Царева — живая фигура, совсем не однозначная. Он соединяет вальяжную барственность с ласковой угодливостью, степенность с некоторым легкомыслием, обходительную любезность с грубо-

ватой ворчливостью, почти родственную теплоту к Чапскому с ужасом перед его крамольными речами.

«Моя судьба еще ли не плачевна?» — восклицает Фамусов в finale пьесы. В тоне Царева нет подлинного отчаяния, его Фамусов произносит это скорее в укор и назидание дочери. Его судьба никогда не окажется плачевной, он всегда будет хозяином положения, хитрость и власть помогут ему остаться одним из столпов московского общества.

Прибавьте к этому множество ролей в советских пьесах, комедийные роли Глумова, Хиггинса. Глубоко человеческие образы прекрасных, чистых душ русских людей, созданных гением Толстого, Достоевского, Чехова, — Федор Протасов, Ростанев, Иванов — и опять-таки перед вами возникает необычайно масштабная картина актерского творчества.

В последние годы Царева волнует тема трагического отцовства. В ролях Маттиаса Клаузена («Перед заходом солнца»), шекспировского Короля Лира, старика Банюшина («Дети Банюшина») он трактует тему отчуждения детей от отца как высшее трагическое выражение одиночества человека в жестоком, несправедливом мире.

В роли сургового республиканца Веррины в «Заговоре Фиеско» Шиллера тоже звучит тема несчастного отцовства. В этом образе Царев обращается к романтическим краскам своей актерской молодости, но теперь эти краски отбираются с величайшей строгостью, создают впечатление высокого аскетического лаконизма.

Царев бережно и ревностно хранит еще одну великую традицию Малого театра — его мастерство слова является собой высокий образец сценической речи. Он замечательно читает стихи, соединяя чеканную форму и музыкальность поэтического слова с мудрой простотой и ясностью мысли.

И, наконец, еще одна традиция старейшего русского театра — крупнейшие актеры Малого театра, чувствуя ответственность за его судьбу, в зрелые годы становились его руководителями. Щепкин и Самарин были неофициальными, но фактическими художественными руководителями труппы. Ленский — главным режиссером. Южин многие годы — бессменным директором. Царев также многие годы являлся

директором Малого театра, отдавая прославленному коллективу весь свой опыт, внимательно вникая во все стороны и подробности его жизни. Теперь он — художественный руководитель старейшей русской сцены.

Литературная и театральная эрудиция Царева ощущается во всем — когда возникают споры по поводу правильного произношения того или иного малоупотребительного слова в классической пьесе, актеры говорят: «Надо спросить у Михаила Ивановича». Бесконечно ценные его замечания по поводу стиля, манеры поведения, характера костюма. Он знает тысячу «мелочей», которые определяют подлинность атмосферы классического спектакля, уровень и культуру академического театра.

Я люблю вызывать Михаила Ивановича на воспоминания о спектаклях и актерах прошлого. В его метких словесных формулах рождаются театральные легенды, выявляется существо, своеобразие актерских Личностей.

Во всех самых сложных и неожиданных обстоятельствах жизни театра Царев почти никогда не покидает спокойное чувство юмора, умной иронии, которое все ставит на свои места, делает очевидным, что то или иное событие, незаслуженно будоражащее актеров, всего-навсего «муха», из которой не надо делать «слона».

Царев никогда не торопится с окончательным решением и тем более приговором, он ведет театральный корабль с мудрой осторожностью и осмотрительностью. Он не считает свое мнение окончательным, пока не сверит его с реальной жизнью и ростом того или иного спектакля, с развитием роли у того или иного актера. Разумеется, он обладает необходимой волей, но, что очень важно, умеет не только распорядиться, приказать, настоять, но внимательно и вежливо выслушать собеседника, даже если тот оказывается в каком-то вопросе его оппонентом. Культура — ценнейшее качество театрального руководителя, и Царев обладает им в полной мере.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.

• Народный артист СССР М. Царев.